

Научная статья / Research Article

УДК 140.8

DOI: 10.36718/2500-1825-2024-2-193-204

Борис Ермолаевич Андюсев

Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия

andjusev@yandex.ru

РУССКИЙ СИБИРЯК В НЕСОВМЕСТИМОЙ СОВМЕСТИМОСТИ ЗАПАДА И ВОСТОКА

Светлой памяти канд. ист. наук, доктора культурологии
Светланы Владимировны Лурье

История «российской Евразии» представляет вариант формирования социокультурного сообщества русских сибиряков в процессе адаптации населения к вызовам факторов новой среды. Природные, социальные, этнокультурные характеристики Сибирского края преобразовались под воздействием факторов русской материальной и духовной культуры. Одновременно внутри культуры первых русских поколений Сибири и в сознании ее носителей шли изменения соответствия со средой по принципу обратной связи малыми импульсами «микромутаций». В течение XVII–XVIII вв. результатами взаимного приспособления социума русских старожилов и среды стало формирование нового «месторазвития», субэтнической идентичности, самосознания и характера. Ментальность и традиции в процессе адаптации культуры в XVIII–XIX вв. закрепляются в культурных традициях в рекомбинации прошедших естественный отбор мутаций на уровне генетических программ и структуры этнических констант. Социум старожилов непрерывно социализировал в свою среду новых переселенцев. Поэтапная динамика адаптации содержала в себе этапы материального, социального и психологического «вживания» их в сообщество русских старожилов. Процесс полуторавековой адаптации в экстремальную среду трансформировал традиционное иррациональное, чувственно-эмоциональное «мировидение» в рациональную, прагматичную психологию «западного человека». Процесс, в котором рациональная «мысль рождала» стереотипы активного прагматичного преобразователя мира. Одновременно в ценностных установках православно-языческой мировоззренческой картины мира в старожилах компенсаторно возрастали установки совестливости, смирения, сочувствия, милосердия, сострадания. Данные ценностные факторы, согласно русским и в целом восточным традициям, определялись понятием «душа». В постулатах русской культуры данный фактор отразился в поговорке «Душа рождает характер». Отсюда суровые реалии физической адаптации старожилов формировали в них внешнюю поведенческую рациональность, истоки в психологических установках уходят в славяно-русскую этническую духовность. В результате этнопсихологического анализа автором статьи сделан инновационный вывод: несовместимость цивилизационных полюсов рациональности и духовности была преодолена формированием в характере российского сибиряка качества нравственной рациональности.

© Андюсев Б.Е., 2024

Социально-экономический и гуманитарный журнал. 2024. № 2. С. 193–204.

Socio-economic and humanitarian journal. 2024;(2): 193–204.

Ключевые слова: освоение Сибири, адаптация, факторы экстремальной Сибири, факторы психологической адаптации, рациональное мышление, духовность (душа), сибирский характер, духовный рационализм

Для цитирования: Андюсев Б.Е. Русский сибиряк в несовместимой совместимости Запада и Востока // Социально-экономический и гуманитарный журнал. 2024. № 2. С. 193–204. DOI: 10.36718/2500-1825-2024-2-193-204.

Boris Ermolaevich Andyusev

Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia
andjusev@yandex.ru

THE RUSSIAN SIBERIAN IN THE INCOMPATIBLE COMPATIBILITY OF THE WEST AND THE EAST

The history of “Russian Eurasia” represents a variant of the formation of a socio-cultural community of Russian Siberians in the process of adaptation of the population to the challenges of the factors of the new environment. The natural, social, ethnocultural characteristics of the Siberian region were transformed under the influence of factors of Russian material and spiritual culture. At the same time, within the culture of the first Russian generations of Siberia and in the consciousness of its bearers, changes in conformity with the environment took place according to the feedback principle of small impulses of “micromutations”. During the XVII–XVIII centuries the results of the mutual adaptation of the society of Russian old-timers and the environment was the formation of a new “place of development”, sub-ethnic identity, self-awareness and character. Mentality and traditions in the process of cultural adaptation in the 18th–19th centuries are fixed in cultural traditions in the recombination of mutations that underwent natural selection at the level of genetic programs and the structure of ethnic constants. The society of old-timers continuously socialized new settlers into their midst. The stage-by-stage dynamics of adaptation contained stages of material, social and psychological “getting used to” them in the community of Russian old-timers. The process of one and a half centuries of adaptation to an extreme environment transformed the traditional irrational, sensory-emotional “worldview” into the rational, pragmatic psychology of “western man.” A process in which rational “thought gave birth” to stereotypes of an active, pragmatic transformer of the world. At the same time, in the value attitudes of the Orthodox-pagan worldview of the world, the attitudes of conscientiousness, humility, sympathy, mercy, and compassion increased compensatorily among the old-timers. These value factors, according to Russian and generally Eastern traditions, were determined by the concept of “soul”. In the postulates of Russian culture, this factor is reflected in the saying “The soul gives birth to character.” Hence, the harsh realities of physical adaptation of the old-timers formed in them external behavioral rationality, the origins of psychological attitudes go back to Slavic-Russian ethnic spirituality. As a result of the ethnopsychological analysis, the author of the paper made an innovative conclusion: the incompatibility of the civilizational poles of rationality and spirituality was overcome by the formation of the quality of moral rationality in the character of the Russian Siberian.

Keywords: development of Siberia, adaptation, factors of extreme Siberia, factors of psychological adaptation, rational thinking, spirituality (soul), Siberian character, spiritual rationalism

For citation: Andyusev B.E. The Russian siberian in the incompatible compatibility of the West and the East // Socio-economic and humanitarian journal. 2024. № 2. S. 193–204. DOI: 10.36718/2500-1825-2024-2-193-204.

Введение. История «российской Евразии» представляет вариант формирования социокультурного сообщества русских сибиряков в процессе адаптации населения к вызовам факторов новой среды. Напомним, что под понятием «"адаптация"» понимается процесс взаимного приспособления между культурой и средой в целях выживания и стабильности социальной системы» [1]. Природные, социальные, этнокультурные характеристики Сибирского края в течение ряда столетий коренным образом менялись под воздействием факторов русской материальной и духовной культуры. Одновременно русская культура приводит себя в соответствие со средой по принципу обратной связи малыми импульсами «микромутаций» внутри культуры и в сознании ее носителей [2]. «Обратная связь» возникает в виде новой технологии земледелия, жилища, одежды, уклада жизни, характера питания восточной группы русского этноса. Одновременно ментальность и традиции в процессе адаптации культуры в XVII–XIX вв. закрепляются в культурных традициях в рекомбинации прошедших естественный отбор мутаций на уровне генетических программ биологических популяций [3].

В ряде работ нами впервые в историческую науку было введено понятие «психологическая адаптация». В ходе непрерывного последовательного материального (до 7 лет), социального (до 15 лет) и психологического (через 25 лет) «вживания» новых и новых переселенцев в традиции общинников рос и качественно развивался субэтнос русских старожилов.

Цель исследования. В подходах, имеющих у представителей субэтноса различий в культуре, идентификации, особенных качеств этнического характера, мы выделили для исследования проблему истоков и факторов их становления. Отсюда сформулировали предмет как научную проблему исследования источников формирования и сущности характера русских сибиряков.

Результаты исследования и их обсуждение. Освоение сурового сибирского края было невозможно вне активной установки на преобразование среды, ландшафта, создание производящей экономики. Выполнить гигантский объем работы в кратчайшие сроки мог человек, рационально планирующий и поэтапно реализующий задачи, человек с адекватным миропониманием, прагматичной оценкой факторов среды и способов, инструментов их нейтрализации или подчинения. Активная мысль породила на сибирской земле необычные, «нероссийские» действия, которые становились привычными в последующих поколениях потомков «засельщиков» и утверждались как культурные традиции социума. Естественно, в конкретных представителях сообщества новые рациональные традиции становились чертами характера старожила. Однако инновации с первых лет сибирской истории вступали в противоречия с «заветами» и обычаями дедов и отцов. Психологически для выживания было важно согласовать внешние выраженные рациональные, прагматичные ценности и привычки с древнейшими архетипами славянского сознания и культуры.

Каковы же они, базовые факторы психологического восприятия «себя»: мы поступаем сугубо рационально, адекватно вызовам среды, но и живем в согласии с совестью, нравственными установками православной веры и руководствуемся традиционными ценностями морали? Что же считать мерилем и критериями своего поведения, оценок поступков «своих» и «чужих», опоры на внешние для сибиряков законы государства или исконные нормы «обычного общинного права» и деятельность и/или «загадочная душа сибиряка, «породили» сибирский характер»? Как были взаимосвязаны результаты рациональной физической адаптации социума старожилов с алгоритмами древнейших славянских духовных установок психологических и «поведенческих» черт характера сибирских старожилов в адаптационных изме-

нениях мышления, ценностных установок поведения?

Сибирский характер – это исторически сложившаяся совокупность представителей сибирского субэтнуса, определяющих манеру их поведения и типичный образ действий и проявляющихся в их отношении окружающему миру, стереотипах поведения в социуме устойчивых психологических черт, темперамента, ценностей и традиций. Базовой основой духовности в характере являются этнические константы в верованиях, фольклоре, обычаях, обрядах и ритуалах. При этом напрямую духовность непроницаема для исследователя. Однако именно в памятниках народной культуры в динамике времени и адаптационных процессов мы находим проявления сути «духовности», «души народа». Особенности адаптированной духовности русских сибиряков достаточно выражены в оценочном анализе русской народной сказки в изложении старожилов Енисейской Сибири [4].

Птичка-носок как спичка. «Жил старик со старухой, жили они бедно. Старуха отправила своего старика рубить дрова. Вот он подходит к пню и стал дрова рубить. Оттуда вылетает птичка-носок как спичка и спрашивает старика: "Чево тебе, дедушка, нужно"? Он говорит: "Дров". Она ему говорит: "Иди домой, завтра все будет готово". Наутро они встают, дров у них полон двор.

Утром встала старуха, посылает старика просить у птички хлеба. Старик опять также приходит, стукнул о пенек, оттуда вылетает птичка-носок как спичка и спрашивает, что ему нужно. Он ей опять говорит, что хлеба. Она опять отправила домой и сказала, что завтра все будет готово. Старуха утром встала, пошла в амбар, а он полон муки.

Старуха тогда опять послала старика, чтобы он попросил птичку сделать ее барыней, а его барином. На другой день послала старика к птичке, чтобы она сделала ее царицей, а его барином. Когда они проснулись, то увидели, что старуха сделалась кыской, а старик кошаком. Оба голодные и мявкают».

Сравнивая традиционный сюжет русской народной сказки в изложении А.С. Пушкина «Сказка о рыбаке и рыбке», мы видим, что он заканчивается возвратом к исходному состоянию бедности и нищеты. Подобная сказка о Емеле и щуке отражает проявления «легких доходов», жизни на «авось». Сказки отражали типичные итоги безысходной судьбы в сознании бедного крестьянина в российской общине.

Однако в ценностях, образах и оценках поведения человека в сознании адаптированных в Сибири русских старожилов стремление к «дармовщине», к нетрудовым доходам, несправедному социальному статусу наказуемо. Но наказуемо не простым возвратом к исходному состоянию, но трансформацией в иное качественное состояние жизни. В экстремальных условиях и жестких требований к трудовым и нравственным «качествам и свойствам» человека «старуха сделалась кыской, а старик кошаком. Оба голодные и мявкают». Отсюда, «хотите жить, – ловите мышей», «трудитесь до скончания века своего». При этом видим, что степень ответственности и вина лежит на обоих, не только на «сварливой старухе». В данной сказке ярко высветилась типичные сибирские базовые ценности личного труда и нравственной жизни.

Мировосприятие суждения, обычаи и традиции накапливались в культуре этноса, оформлялись словесно и понятийно, а далее становились общепринятыми стереотипами «как должно вести себя в сообществе своих». Поэтому в традиционных сообществах при встрече с явлением или объектом не вставал вопрос «почему?», не ставилась цель объяснения поступка или действия, но реальность констатировалась как «имеющая место быть» [5]. Культура вырабатывала способы взаимодействия, нейтрализации или борьбы этими реалиями в зависимости от их позитива или опасности.

Следовательно, процесс психологического освоения Сибирского края являлся процессом изучения, осмысления, упорядочения объектов среды «в созна-

нии и душе». Одновременно процесс «познания мира» превращался в процесс выработки стереотипных действий (алгоритмов поведения). Специфика сознания человека в экстремальной среде Сибири выражалась в существенной рациональности, чтобы мгновенно решать задачи познания-использования (без объяснения!) реалий. Постоянная опасность формировала рациональное видение мира, острые мыслительные действия в рациональном видении внешних характеристик мира. При этом оценочно в содержании объяснения среды «душа ощущает» мир «по-русски», эмоционально, чувственно, в критериях моральных оценок и традиций.

На видимом (понятийном) уровне объекты ментально представлены в аналитической, рассудочной, практичной иерархии с точки зрения «пригодности» и использования в повседневной жизни. На втором глубинном уровне древних архетипов объекты-ценности в виде «набора» нравственно-психологических моральных представлений и образов-символов, верований, «заповедей и заветов» [6].

Для культуры традиционного времени характерны ведущие позиции ритуалов и обрядов, предварявшее и психологически «узаконивавшее» рациональное поведение. Поэтому любое действие или поступок человека традиционной эпохи являлись одновременно и элементом ритуала, и рациональным действием. Например, ведро на коромысле служит для ношения воды из колодца, но пустое ведро может быть прибежищем чертей. Веретено служит для свивания нити при прядении, и оно же является символом рождения жизни, судьбы человека. Дверной порог был и элементом дверного косяка, и символом границы внешнего и внутреннего миров дома. Отсюда любое действие, поступок были одновременно и элементом обряда, и прагматичным элементом бытия. Отдельные элементы рубахи и кафтана могли быть представлены как рациональный компонент материальной культуры и в образах ценностной символики

деталей вышивки. Шуба была жизненно важной зимней верхней одеждой сибиряка. Однако в обрядовости праздника «Масленки» вывернутая наизнанку шуба служила условием игрового введения человека в состав «сил зла». Вода может быть условием и физического выживания, и «очищения» от «злой скверны».

В целом установки мировоззрения систематизировали все объекты по признакам полярности «добра», «зла» и «условий» его преодоления. Уровень прагматичного мышления выполнял задачи регулирования в иерархии политических, юридических, общественных интересов, прав и обязанностей личности в семье и общине. Архетипы «духовности» отражали в социуме наиболее ценные стереотипы-значения в воспроизводстве норм «обычного права», обычаев веры и верований, убеждений, идеалов, жизни «по совести».

В основу понимания источника поведения психолог Д.Н. Узнадзе ставил «установку» – характеристику личности, определяющую общее направление психической деятельности человека и стереотипы поведения человека в любой ситуации. В установках поведения мы видим полярность между «душой» и «рацио» (внутренней духовной и внешней прагматичной) в мыслях и ситуативном поведении крестьян-старожилов. Наиболее ярко это проявлялось во взаимодействии иррационального ощущения православных символов и языческих образов при сугубо рациональном «общении» с ними. Например, образ Христа как всевидящего Бога, и задерживание занавески перед «божницей», чтобы Бог не видел непотребное «винопитие на гулянке». Или вполне рациональное речевое общение с «домовым», угощение его праздничной выпечкой, устройство ему к ночи мягкой постельки у печи.

В прошлом современники отмечали выраженную прагматичность и острый ум сибиряка. Еще историк А.П. Щапов подчеркивал, что опыт познания закрепил в старожилах свойства практичного любопытства и любознательности [7]. При этом «любознательность» импера-

трица Екатерина II считала главной отличительной чертой в характере сибиряков.

Процесс адаптации и освоения Сибири требовал словесного оформления новых объектов и явлений среды, что означало их подчинении [8]. Антрополог А.А. Мельникова пришла к любопытным выводам: она подчеркивает, что для русского языка характерно отсутствие жесткой структуры предложения, возможно любое расположение слов. Она делает вывод об укоренении «в бессознательном слое» ощущения мира без четко проработанной и системной структуры». Это мир, который нельзя просчитать, он непредсказуем (отсюда «авось», «неожиданно») и «требует от носителей такого образа ряда нелогичных, неконструктивных действий в поведенческом сценарии» [9]. В то же время в северорусских и сибирских говорах резко усилена роль сказуемого в примате деятельности, активности, законченности действия. Мы обратили внимание, что в большинстве зафиксированных предложений, диалогов сказуемое завершает его, стоит на последнем месте [10].

Данную особенность в сравнении мышления крестьян Центральной России и Сибири подметил Енисейский губернатор А.П. Степанов. Он писал, что у великорусских крестьян «неправильное понятие о большом количестве предметов, которые им встречались, составляет до того чудовищную смесь в уме их, что они даже затрудняются передать идеи своими словами». По сравнению с ними «сибиряк, все что видел, постиг с точностью. Ясно, чисто и без запинок может передать другому, что знает» [11]. Следовательно, исходя из выводов А.А. Мельниковой, логичность, четкость речи, адекватность слова соответствующему объекту среды выстраивает иную структуру образа мира в иерархии. В сознании старожила два мира: первый – «познанный», «освоенный», упорядоченный, второй – незнакомый или знакомый понаслышке. Поэтому в установках поведения в «освоенном» пространстве все действия сибиряка выстроены прагматично

без «авось» и «неожиданностей», логично и конструктивно. Декабристы писали, что в Сибири они «заставали мирские сходки и удивлялись и радовались расторопному и умному ходу дел, ясному и простому изложению мнений умных мужиков» [12]. Рациональность и педантичность мышления старожилов проявлялись особенно рельефно в ходе судебных разбирательств при оценке ущерба, нанесенного крестьянскому хозяйству. Сознание крестьян скрупулезно подмечало мельчайшие детали окружающего мира и весьма точно облекало их в словесную форму. Так, истец, крестьянин д. Кежемской Пинчутской волости Е.К.Р. пожаловался в суд, что «11 собак семи крестьян задавили 3-х его овец». Волостной суд, оценив общий ущерб в 6 рублей, решил «взыскать с ответчиков по 54½ копейки с каждой собаки: соответственно с их владельцев – 1,09 рублей, 1,09 рублей, 1,09 рублей, 54,5 копеек, 54,5 копеек, 1,09 рублей, 54,5 копеек» [13].

Оперативные установки рационального стиля мышления позволяли выстраивать установки последовательных действий «должного» поведения на границе иррационального и рационального в процессе общения старожила с умершим предком. Посредником в процессе «диалога» становился «свежеумерший человек». Данному действию предшествовал сон с просьбой о передаче вещи родственнику «на тот свет». Передаваемые предметы клались в гроб под подушку умершего. Передача предметов «на тот свет» сопровождалась словами пожеланий и кратким рассказом о жизни родных «на этом свете». Реально выстроенный диалог с представителями «мира мертвых» проходил на уровне ощущения реальности происходящего участницами и многочисленными свидетелями архаичного обычая. Они свидетельствуют о сохранении и поныне древних представлений в единстве времени и пространства в единстве «сообществ» живых и умерших [14].

В сибирских вариантах древних сказаний былинного эпоса можно проследить трансформацию иррациональных

сюжетов IX–XII вв. в «якобы в реальные» исторические события XIX–XX вв. В качестве пограничного мы избрали сюжет, позволяющий проследить в динамике обоснования образа древних мифов в качестве реального объекта нашего мира. Подобные рассказы в Сибири и на Урале именовались быличками. В них присутствуют основные элементы: ссылка на реального «информатора», ссылка на подлинность событий, указание времени события, подробное перечисление всех рассказчиков и ссылка на них.

«Мне рассказывала 82-летняя бабушка жены; зовут ее Кронцова Марина Корнеевна. Эту историю ей рассказала ее бабушка. За селом Бугуртак, недалеко от Курагино, у подножья горы есть небольшое озеро, посреди которого стоит камень [скала], поросший деревьями; дно у этого озера очень глубокое. То было давнее время, когда Бугуртака еще не было. В огромном камне, находившемся на вершине горы, была пустота, пещера. В ней жил двуглавый крылатый змей. Кто из людей видел его, говорил, что от него идут искры. Ночью, после захода солнца, он выходил на свою охоту. Курагинские крестьяне, у которых там были покосы, к тому времени старались убраться из тех мест. Змей хватал все живое, будь то человек или лошадь. Однажды ночью разразилась страшная гроза. Бесперывно сверкали молнии, гремел гром. Одна из молний угодила в камень, в котором обитал змей. Камень сорвался с утеса и похоронил змея под собой. А в том месте, где камень пробил землю, образовалось озеро. Сказка, можно сказать, но на юго-востоке горы есть большая каменная россыпь, и уже упомянутое озеро с камнем посередине. Не так давно на этой скале не было деревьев» [15].

Стремление к адресности, точности и правдивости в оценках явлений явилось результатом динамичного осмысления сюжетных иррациональных образов на уровне рассудочных, аналитических выводов. О подобных особенностях мышления крестьян Восточной Сибири писал в конце XIX в. этнограф Г. Виноградов: «Когда говорят о домовом, то

указывают и опираются на живых свидетелей». В многочисленных высказываниях о сибиряках говорится, что «они просто на слово другому человеку верят с трудом»; им надо «доподлинно в этом удостовериться» [16]. Следовательно, для сибирского крестьянина была ближе и понятнее ситуация реального бытия, взаимодействия с объектом материально-бытийного мира.

Таким образом, цели выживания и сосуществования в экстремальной среде формировали углубленное внимание, устойчивую память, умения рационально выделять опасность, быструю реакцию. Быстрое познание сути «неизвестного» позволяло применить стандартные алгоритмы анализа ситуации, вариантов поведения в виде прецедентов. «Рационализация» операционных механизмов установок «картины мира» в условиях постоянной новизны не могла не повлиять на возрастание роли аналитического способа оценивания мира и адекватности принимаемых решений. Выстраивание взаимоотношений с миром происходило на основе наработанных алгоритмов поведения, однако объяснить, почему так делают, а не иначе, вряд ли могли объяснить крестьяне XIX в. (например, подоплеку правила «чертежа»). В любом случае, прикрыто ли это действие молитвой, заговорами или приобретением с раннего детства умений и навыков охотника, рыболова, ямщика, дровосека – не было принципиальным.

Таким образом, обобщенный портрет сибирского старожилы в комплексе физического облика, психологических свойств, темпераменте, речи, поведении в различных ситуациях представляет собой частный тип русского этнического характера. Экстремальные условия формировали стойкость, выдержку, самообладание как краеугольные черты «характера настоящего сибиряка». Особое значение для освоения края приобретали качества практического любопытства, пытливости и любознательности, быстрой психологической реакции на любую неожиданность. В среде экстремальных факторов формировались углубленное

внимание, устойчивая память, умение выделять опасность и быстрая ответная реакция. Климат, расстояния, короткое лето и длительная зима вытеснили из сибиряка традиционную русскую «авось» навыками планирования и организации среды. На первом месте оценивались трудовые и нравственно-этические качества: трудолюбие, хозяйственность, совестливость, честность. Сибирского человека отличали выраженный индивидуализм, расчетливость, соревновательность в сочетании с коллективизмом и взаимопомощью в обществе, целеустремленность до «упертой настырности» в достижении задуманного, социальный идеал зажиточности и богатства, даже скупости и накопительства. Сибиряк никогда не надеялся на благоприятное стечение обстоятельств, «авось, да пронесет», «обойдется авось». Надежда только на свои силы, на принятие мер загодя. Если русский крестьянин сокрушался, говоря, «знал бы, соломку бы постелил», то сибиряк все заранее обдумывал и просчитывал с принятием мер нейтрализации [17].

Для сибиряков стало естественным постоянно думать о создании резервных запасов зерна, кормов для скота, сухих дров, просушенных строительных материалов, запасного хозяйственного инвентаря [18]. Крестьянин во всем старался просчитать возможный результат хозяйственного года, например, «умолот» хлеба с десятины, выгоду по реализации излишков зерна к Рождеству. Исследователь культуры старожилов Приангарья Л.М. Сабурова выделяет качества расчетливости сибиряка, продуманного планирования деятельности на длительную перспективу [19].

Реалии рыночных изменений конца XIX – начала XX в. существенно изменили ценности картины мира и черты характера: стереотипы-свойства – на грани корыстной расчетливости, личный интерес – на грани алчности. Все же признаем себе, что данные качества более адекватно соответствовали экономическим и социальным вызовам капиталистической модернизации и факторам рыночного

общества. Сибиряк становится успешной личностью новой буржуазной России. Продолжается непрерывный процесс адаптации старожилого населения к инновационным факторам среды. Важным инструментом «вживания в капитализм» служит опыт адаптации, способность перестраивать с традиционных на инновационные приоритеты ценностного позиционирования в мышлении и поведении.

Характер и мышление сибиряков-старожилов был не только более социально прагматичен и рационален, но и проявлялся в приглушенном эмоциональном выражении чувств. «Если великоросский крестьянин шумит, ругается, сердце сорвет, протестуя, то сибиряк несравненно последовательнее. Сибиряк разве что плюнет. Зная очень хорошо, что плетью обуха не перешибешь, он и не пытается. Делает это со стоицизмом...», – отмечал публицист С. Турбин. Во второй половине XIX века он подметил влияние рационального мышления на установки прагматичного и менее эмоционального поведения крестьян-старожилов [20]. Современники отмечали «печать угрюмости и сосредоточенности» на лице сибирского старожила. В словаре говора приенисейских сибиряков адекватным слову «свирепый» было «серьезный».

Рациональное сознание сибиряка выработало алгоритмы действий выживания и благополучия: вначале навыки мгновенной оценки ситуации; далее анализ и систематизация информации в целях выбора действия и, наконец, адекватное рационально выраженное взаимодействие с объектом. Оценки и действия строго обуславливались критериями нравственности (совести), этики и «заветными традициями» и закрепились в материалистично-рациональном характере русских старожилов Сибири.

Духовные обязанности в «миру» нашли отражение в характерах сибирских купцов-предпринимателей. С одной стороны, в эту ценностную систему включались те же рациональные морально-этические качества, что и у «буржуа» на Западе: бережливость, настойчивость в достижении цели, предприим-

чивость и трудолюбие. Однако именно нравственно-духовными «скрепами» загадочной души сибиряка были совесть, меценатство и благотворительность. «Иркутск был полон учреждениями, созданными на частные средства... Трапезников оставил городу 10 миллионов...; на средства Хаминова содержалась женская гимназия и прогимназия; Ел. Медведникова создала городской банк и сиротский дом; Ю.И. Базанова, помимо воспитательного дома, построила в Иркутске детскую больницу, равная которой имела лишь в Берлине. М. Бутин по завещанию оставил жене 100 тыс. руб., а все свои миллионы он завещал на нужды просвещения – на реальное училище в Нерчинске и на 10 школ в селах. Иван Хаминов (пожертвовал более 1 млн руб.), Александр Сибиряков (1,5 млн руб.), Александра Медведникова (4 млн руб.), Юлия Базанова (2 млн руб.)». Аналогичные примеры благотворительности можно привести по другим городам региона – Красноярску, Барнаулу, Бийску, Омску, Таре и другим [21].

Заключение. Старинная английская поговорка гласит: «Мысль рождает действие, действие – привычку, привычка – характер». Вполне понятный зримый образ пути формирования национального характера народа, в основе которого лежит рациональное миропонимание, прагматизм и активная деятельность [22]. Нельзя сказать, что англичанам не свойственна совесть и нравственность, но они часто определяются и зависят от прагматичной пользы во внешних оценках. Более жесткий вывод гласит, что западный прагматизм есть стремление к достижению конечного результата без «оглядки» на способ достижения, игнорирование нравственных ценностей. Отсюда в психологии «западного человека» рациональная «мысль рождает характер» активного преобразователя мира.

Напротив, русский национальный характер имеет в основе своей выраженный базис рождения действия «чувственной» духовностью. Для русского

национального характера исследователи определили ведущими иррациональное миропонимание, выраженные черты совести, смирения, сострадания, негативное отношение к прагматизму и расчетливости [23]. Великий философ XX в. Н.А. Бердяев в своих работах оценил источник души (духовности) в формировании характера русского народа. Во многих его работах неразрывны как синонимы «загадочная русская душа» и «русский национальный характер». Душа рождает характер, душа рождает действие [24]. Далеко не случайно в русском языке в старину народная мудрость, как творец образов, содержала выражения «дух творит себе формы», «душа рождает характер». И в работах этнологов, социологов, педагогов существует императив, не подвергающийся сомнению, что нравственности противостоит прагматизм и приоритеты рациональной выгоды [25]. Отсюда приведенные нами вводные установки истоков английского рационального характера и русского в истоках духовных ценностей по сути своей, как два цивилизационных полюса, несовместимы.

Итак, нашими исходными установками были: «душа рождает характер», а отсюда «загадочная душа сибиряка» рождает «сибирский субэтнический характер», согласно синонимичности выражений по Н.А. Бердяеву. Однако выводом нашего осмысления стало понимание, что в процессе адаптации в Сибири нравственно-этические черты русского национального характера в его носителях качественно усилились в системе ценностей этнической «картины мира». Установки поведения в характере сибиряков претерпели изменения в сторону выраженной рациональности и прагматичности. Таким образом, наш краткий экскурс и ряд специальных исследований позволил нам выявить и определить базовым основанием характера российского (русского) сибиряка качество *нравственной рациональности* [26].

Список источников

1. Маркарян Э.С. Узловые проблемы теории культурной традиции // Советская этнография. 1981. № 2. С. 81.
2. Там же. С. 81.
3. Маркарян Э.С. Культурная традиция и задача дифференциации ее общих и локальных проявлений // Методологические проблемы этнических культур: мат-лы симпозиума. Ереван, 1978. С. 86.
4. Записки Красноярского подотдела Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества по этнографии. Красноярск, 1902. Т. 1. Вып. 1.
5. Садохин А.П., Грушевицкая Т.Г. Этнология. М., 2000. С. 215.
6. Ксенофонов В.И. Духовность как экзистенциальная проблема // Философские науки. 1991. № 12. С. 32.
7. Щапов А.П. Собрание сочинений: Дополнит. том к изд. 1905–1908 гг. Иркутск: Вост.-Сиб. обл. изд-во, 1937. С. 149.
8. Юдин А.В. Русская традиционная народная духовность. М., 1994. С. 30–31.
9. Мельникова А.А. Язык и национальный характер. Структуры языка и ментальности. СПб., 2003. С. 117.
10. О структуре диалектного языка. URL: <https://studfile.net/preview/9537022/page:38>.
11. Степанов А.П. Енисейская губерния. Красноярск: Горница, 1997. Ч. 2. С. 112.
12. Розен А.Е. Записки декабриста. Иркутск, 1984. С. 132.
13. ГАКК. Ф. 793. Оп. 1. Д. 2. Л. 36.
14. Автор дважды в жизни (в 1960–1980-х гг.) был свидетелем «передачи» пожилыми старожилками Красноярского края предметов пользования своим сравнительно умершим мужьям через «новоумерших» женщин.
15. Быличка со слов Баландина Андрея Викторовича, жителя с. Имисское Курагинского района. Красноярск: [б.и.], 2000.
16. Виноградов Г. Поверья и обряды крестьян-сибиряков // Сибирский архив. Иркутск, 1915. Кн. 3. С. 111.
17. Например, всесторонней организации возможного выживания на ямщине до выезда на дорогу. Отсюда обычные сообщения: «В эту зиму на тракте от замерзания померло восемь российских ямщиков. Случаев замерзания местных, сибирских не отмечено».
18. История Сибири. Т. 2. Л.: Наука, 1968. С. 210; Свидетельства в итогах полевых исследований автора очерков.
19. Сабурова Л.М. Культура и быт русского населения Приангарья. Л., 1967. С. 170.
20. Страна изгнания и Исчезнувшие люди: сиб. очерки С. Турбина и Старожила. СПб.: К.Н. Плотников, 1872. С. 163.
21. Попов И.И. Забытые иркутские страницы: Записки редактора. Иркутск, 1989. С. 17.
22. Крысько В.Г. Этническая психология. Англичане. URL: <https://studme.org/61905/psihologiya/anglichane>.
23. Крысько В.Г. Этническая психология. Русские. URL: https://studme.org/61893/psihologiya/psihologicheskie_osobennosti_predstaviteley_raznyh_natsiy.
24. Бердяев Н. Русская идея. СПб.: Азбука-классика, 2008.
25. Практическая психология. Ценностные ориентиры практической психологии. Гл. 17. URL: <https://med-tutorial.ru/m-lib/b/book/3937883149/275>.
26. Андюсев Б.Е. Традиционное сознание крестьян-старожилов Приенисейского края 60-х гг. XVIII – 90-х гг. XIX в.: Опыт реконструкции. Красноярск, 2004; Он же. Нравственно-духовный портрет русских старожилов Сибири.

Красноярск, 2022; *Его же*. На Сибири мы сибиряки. Книга очерков. Красноярск, 2023 и др.

References

1. *Markaryan E.H.S.* Uzlovye problemy teorii kul'turnoi traditsii // *Sovetskaya ehtnografiya*. 1981. № 2. S. 81.
2. Tam zhE. S. 81.
3. *Markaryan E.H.S.* Kul'turnaya traditsiya i zadacha differentsiatsii ee obshchikh i lokal'nykh proyavlenii // *Metodologicheskie problemy ehtnicheskikh kul'tur: mat-ly simpoziuma*. Erevan, 1978. S. 86.
4. *Zapiski Krasnoyarskogo podotdela Vostochno-Sibirskogo otdela Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva po ehtnografii*. Krasnoyarsk, 1902. T. 1. Vyp. 1.
5. *Sadokhin A.P., Grushevitskaya T.G.* Ehtnologiya. M., 2000. S. 215.
6. *Ksenofontov V.I.* Dukhovnost' kak ehkzistentsial'naya problema // *Filosofskie nauki*. 1991. № 12. S. 32.
7. *Shchapov A.P.* Sobranie sochinenii: Dopolnit. tom k izd. 1905–1908 gg. Irkutsk: Vost.-Sib. obl. izd-vo, 1937. S. 149.
8. *Yudin A.V.* Russkaya traditsionnaya narodnaya dukhovnost'. M., 1994. S. 30–31.
9. *Mel'nikova A.A.* Yazyk i natsional'nyi kharakter. Struktury yazyka i mental'nosti. SPb., 2003. S. 117.
10. O strukture dialektного yazyka. URL: <https://studfile.net/preview/9537022/page:38>.
11. *Stepanov A.P.* Eniseiskaya guberniya. Krasnoyarsk: Gornitsa, 1997. CH. 2. S. 112.
12. *Rozen A.E.* Zapiski dekabrista. Irkutsk, 1984. S. 132.
13. GAKK. F. 793. Op. 1. D. 2. L. 36.
14. Avtor dvazhdy v zhizni (v 1960–1980-kh gg.) byl svidetelem «peredachI» pozhilymi starozhilkami Krasnoyarskogo kraja predmetov pol'zovaniya svoim sravnitel'no umershim muzh'yam cherez «novoumershiKH» zhenshchin.
15. Bylichka so slov Balandina Andreya Viktorovicha, zhitelya s. Imisskoe Kuraginskogo raiona. Krasnoyarsk: [b.i.], 2000.
16. *Vinogradov G.* Pover'ya i obryady krest'yan-sibiryakov // *Sibirskii arkhiv*. Irkutsk, 1915. Kn. 3. S. 111.
17. Naprimer, vsestoronei organizatsii vozmozhnogo vyzhivaniya na yamshchine do vyezda na dorogu. Otsyuda obychnye soobshcheniya: «V ehtu zimu na trakte ot zamerzaniya pomerlo vosem' rossiiskikh yamshchikov. Sluchaev zamerzaniya mestnykh, sibirskikh ne otmechenO».
18. *Istoriya Sibiri*. T. 2. L.: Nauka, 1968. S. 210; *Svidetel'stva v itogakh polevykh issledovaniy avtora ocherkov*.
19. *Saburova L.M.* Kul'tura i byt russkogo naseleniya Priangar'ya. L., 1967. S. 170.
20. *Strana izgnaniya i Ischeznuvshie lyudi: sib. ocherki S. Turbina i Starozhila*. SPb.: K.N. Plotnikov, 1872. S. 163.
21. *Popov I.I.* Zabytye irkutskie stranitsy: Zapiski redaktora. Irkutsk, 1989. S. 17.
22. *Krys'ko V.G.* Ehtnicheskaya psikhologiya. Anglichane. URL: <https://studme.org/61905/psihologiya/anglichane>.
23. *Krys'ko V.G.* Ehtnicheskaya psikhologiya. Russkie. URL: https://studme.org/61893/psihologiya/psihologicheskie_osobennosti_predstaviteley_raznyh_natsiy.
24. *Berdyaev N.* Russkaya ideya. SPb.: Azbuka-klassika, 2008.
25. *Prakticheskaya psikhologiya. Tsennostnye orientiry prakticheskoi psikhologii*. Gl. 17. URL: <https://med-tutorial.ru/m-lib/b/book/3937883149/275>.

26. *Andyusev B.E.* Traditsionnoe soznanie krest'yan-starozhilov Prieniseiskogo kraya 60-kh gg. XVIII – 90-kh gg. XIX v.: Opyt rekonstruktsii. Krasnoyarsk, 2004; *On zhe.* Nравstvenno-dukhovnyi portret russkikh starozhilov Sibiri. Krasnoyarsk, 2022; *Ego zhe.* Na Sibiri my sibiriyaki. Kniga ocherkov. Krasnoyarsk, 2023 i dr.

Статья принята к публикации 4.04.2024/
The article has been accepted for publication 4.04.2024.

Информация об авторе:

Борис Ермолаевич Андюсев, доцент кафедры истории России, мировых и региональных цивилизаций, кандидат исторических наук, доцент, доцент ВАК

Information about the authors:

Boris Ermolaevich Andyusev, Associate Professor at the Department of History of Russia, World and Regional Civilizations, Candidate of Historical Sciences, Docent, Docent of the Higher Attestation Commission

